

УДК 111.1

**АНАЛИТИКА ПРИСУТСТВИЯ В
ГОРИЗОНТЕ НЕПОВСЕДНЕВНОГО
ОБРАЩЕНИЯ**

Гурьянов Алексей Сергеевич
к. филос. н., доцент
*Казанский государственный энергетический
университет, Казань, Россия*

В статье анализируется феномен неповседневного обращения как альтернативы несобственному бытию присутствия, ближайшим определением которого является не каноническое бытие-к-смерти, а творческое бытие-в-мире, преодолевающее экзистенциальную конечность здесь-бытия

Ключевые слова: НЕПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРИСУТСТВИЕ, ТВОРЧЕСТВО, БЫТИЕ-В-МИРЕ, СРЕДСТВО, ОБРАЩЕНИЕ

UDC 111.1

**ANALITICS OF DASEIN IN THE HORIZON OF
NON-DAILY HANDLE**

Gurianov Alexei Sergeevich
Cand.Philos.Sci
*Kazan State Power-Engineering University, Kazan,
Russia*

The article analyzes the phenomenon of non-daily handle as an alternative of impersonal being of Dasein, whose inner definition is not the canonic being-to-death but creative being-in-the-world that goes over existent finiteness of Dasein

Keywords: NON-DAILY, DASEIN, CREATIVITY, BEING-IN-THE-WORLD, MEANS, HANDLE

Как известно, экзистенциальная аналитика Мартина Хайдеггера в качестве одного из конститутивных элементов наряду с собственным бытием присутствия, оформленном как бытие-к-смерти, имеет бытие-в-мире, ключевым звеном которого является повседневность как несобственное, падающее бытие. Терминологически аналитика заявленного нами неповседневного обращения, очевидно, ориентирована на экзистенциальную аналитику повседневности, предпринятую Хайдеггером в фундаментальном труде «Бытие и время», равно как и на определенный пересмотр предложенной им интерпретации существа присутствия как бытия-в-мире, в котором находит себе применение повседневность, ибо неповседневное обращение – оборот, отсутствующий у великого немецкого мыслителя. С позиций экзистенциальной аналитики неповседневное обращение – скорее оксюморон, ибо обращение в его редакции всегда повседневно, а неповседневность как собственное бытие экзистирующего присутствия не может быть обращением в какой бы то ни было форме. Но оксюморон с рядом оговорок, поскольку аналитика присутствия, развернутая на страницах этой работы, сама дает повод

усомниться в невозможности неповседневности в рамках бытия-в-мире. Взять хотя бы раздел, посвященный повседневному бытию самости. Так, Хайдеггер отмечает, что «оно [бытие друг с другом – А.Г.] имеет характер *хранения дистанции*» [1, 126], и потому присутствие большей частью держится в отношении другого присутствия во внешности, в модусах отстраненности и сдержанности. Но чуть выше автор отмечает, что при определенных обстоятельствах возможен слом границ внешности и, стало быть, нарушение привычного, повседневного тона отстраненности, например когда «общее выступание за одно и то же дело обусловлено всегда своей захваченностью присутствия» [1, 122]. Казалось бы, что здесь должна быть развернута некая новая форма присутствия в мире, но мысль обрывается, и комментарии не следуют. Хайдеггер неоднократно отмечает, что повседневность – это форма бытия, в которой присутствие большей частью и ближайшим образом держится. С его слов «большой частью» означает: способ, каким присутствие не всегда, но «как правило» себя каждому кажет» [1, 370]. Но этот тезис недвусмысленно предполагает некий другой способ «казания» себя другим, о котором ничего в аналитике присутствия не говорится. Более того, с нашей точки зрения, тот факт, что присутствие держится большей частью и ближайшим образом в повседневности, еще не свидетельствует о том, что этот способ держаться при подручном является ключевым для вскрытия существа бытия-в-мире.

Согласно Хайдеггеру, экзистенциал мирности фундирован в целом средств в системе идущих от него отсыланий, допущенных встретиться присутствию бытийным способом имени-дела. Усмотрение мирности следует признать серьезной заслугой Хайдеггера, так как предшествовавшая ему метафизика большей частью проскакивала через этот феномен, интерпретируя мир исходя не из мира как мира присутствия, т.е. не с позиций бытия-в-мире, но с позиций модификаций мирности,

фундированных в онтологически-экзистенциальном понятии мирности. Однако вызывает вопросы интерпретация внутримирных вещей, к которым зовет феноменологический метод. По Хайдеггеру, средство гениально показывает себя в идущих от него отсыланиях, в обращении с ним. Другими словами, то, какова вещь сама по себе, высвечивается через размыкание ее *для-чего*. При этом обращение с вещью как со средством осуществляется не через рассматривание и всматривание в предмет с целью выявить его *для-чего*, как поступил бы Гуссерль в раннюю пору своего творчества, т.е. не через теоретическое обращение с вещью, а через практическое усмотрение как употребляющее-орудующее обращение: «теоретическое поведение есть только всматривание без усмотрения» [1, 69]. И действительно, подход к молотку (пример, на котором Хайдеггер демонстрирует силу своих выводов) тем более адекватен, чем менее его отстраненно созерцают и чем более им просто орудуют. В обращении с ним, использовании по назначению, т.е. для забивания, молоток проступает в своем *по-себе*, как то, что он есть. Таким образом, не в тематическом осмысливании молотка как этого сущего заключено его гениальное размыкание, а в употребляющее-орудующем обращении. Однако данное толкование вызывает некоторые вопросы.

В интерпретации подручности мы видим системный недосмотр со стороны Хайдеггера. Под подручностью он подразумевает «способ бытия средства, в котором оно обнаруживает себя самим собой» [1, 69]. Задачей повседневного присутствия в этом случае является усмотрение бытия средства, его *по-себе*. По нашему мнению, усмотрение *по-себе* средства, его *предназначения* не может происходить в отрыве от *назначения*, а последнее упускается Хайдеггером из виду. *По-себе* средства – феномен достаточно условный, поскольку свое *по-себе* средство получает от такого же присутствия, которое затем пытается усмотреть его предназначение.

Хайдеггер же подходит к присутствию как вырванному из контекста образования значения – для него внутримирное сущее есть всегда уже предназначенное сущее. Не случайно он говорит о вброшенности и брошенности присутствия в мире; только для такого единичного присутствия любое средство есть предназначенное встречное средство.

Но разведение назначения и предназначения – дело предварительное по сравнению с более важной темой, оставленной вне всякого рассмотрения и состоящей в определении того, кто является гениально размыкающим: *тот, кто лишь прилагивается к молотку и использует его по назначению как предназначению, или тот, кто произвел молоток на свет в качестве некоего подручного приспособления с определенным назначением.* Под производством мы понимаем не ремесленничество в виде штампования деталей молотка и их последующего соединения, а создание молотка как такового, как средства для забивания.

Предположим, что мы вручим это подручное человеку, который молотка никогда не видел. Ничто в таком случае не будет свидетельствовать о том, что он станет использовать его по назначению, а если он будет использовать его, к примеру, как холодное оружие, то для него это размыкание станет вполне адекватным молотку как средству. На этот случай Хайдеггер говорит, что в отношении любого средства следует вести речь о специфическом «удобстве» вещи, и в данном случае это, конечно, забивание. Но почему мы решили, что именно забивание есть специфическое удобство молотка? И почему тот, кто станет успешно раскалывать им орехи, не будет вполне гениален в размыкании? Молоток предназначен для забивания. Пред-назначение служит ориентиром для размыкания. В той мере, в какой обращение с молотком соответствует его предназначению, оно гениально. Представляется, что понятие предназначения здесь вполне уместно, тем более что вполне вписывается в

словоупотребление Хайдеггера. Для более точного схватывания феномена отсылания он пишет: «...попытаемся дать онтологический анализ одного такого средства, на котором дают себя обнаружить «отсылания» в разнообразном смысле. Подобное средство мы находим в знаке» [1, 77]. При помощи этого понятия мы можем определить то самое специфическое «удобство» подручного, имеющее место в случае специфического обращения с ним. Генуинным же размыкание может быть в случае адекватного назначению обращения со средством. Можно сказать, что обращение размыкает то, что предназначено. Не случайно Хайдеггер говорит, что в применяющем обращении озабочение подчиняет себя конститутивному для всякого средства вот этому для-того-чтобы.

Таким образом, если средство есть средство для чего-то, т.е. если оно имеет свое предназначение по отношению к человеку, которому оно внутримирно встречно и который должен соотнести свое обращение с для-чего средства, то формально должен быть и тот, кто привел это средство к его назначению, тот, кто изначально назначил и тем самым создал это средство в качестве того, что оно есть, ибо назначить вещь можно лишь через определение вещи в качестве средства, а определить ее в качестве такового подручного можно лишь генерировав это средство.

Однако ситуация с природным сущим несколько иная. Если сущее лишь внутримирно встречно, подобно дикому животному, то его «удобство» в качестве средства не является специфическим: человек в процессе обращения с ним выясняет, в чем могут состоять его «удобства». В этом процессе человек определяет животному его *для-чего*, используя, к примеру, шкуру для утепления, а мясо в пищу.

Хайдеггер утверждает, что животное изначально уже разомкнуто как средство, однако его *для-чего* поначалу еще не выявлено, так как мясо, к примеру, может быть негодно к употреблению в пищу. Возникает <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/22.pdf>

некоторое противоречие между тем, что именуется средством, о котором он говорит, что «в окружающем мире... оказывается доступно и сущее, само по себе не требующее изготовления, всегда уже подручное» [1, 70], и отсутствием его специфического «удобства», которое у Хайдеггера не находит отражения. По Хайдеггеру, средство всегда уже есть применяемое средство. Но человек лишь в практическом обращении с сущим определяет его *для-чего*. Определение здесь заключается в одновременном размыкании сущего в его *по-себе* и назначении как придании специфического значения этому сущему. Таким образом, гениальность размыкания природного сущего, в котором сооткрывается сама природа, заключается не в скроенном по средству обращении, как если бы всегда было известно, что кожа крокодила хороша для производства дамских сумочек, т.е. не в выявлении предназначенного, а в назначении как определении того, какое значение кожа крокодила может иметь для человека. Изначально природное сущее есть средство без своего *для-чего* как специфического «удобства». Поскольку человек всегда уже находится в обращении с природным сущим, оно всегда уже есть средство, и тут Хайдеггер безусловно прав, однако специфическое «удобство» этого средства выясняется в процессе практического обращения. Следовательно, уже в обращении с подручным природным сущим проявляется некоторое несоответствие между средством и его назначением. Данное несоответствие есть изначально несоответствие, сглаживаемое до исчезновения в *процессе* практического обращения с сущим, при этом в отношении природного сущего не приходится говорить о предназначении, в связи с чем какого-то одного специфического «удобства» у него нет. Так, для-чего собаки в равной мере может заключаться как в охране, так и в охоте. В зависимости от назначения, полученного от человека. Однако данной процессуальной стороне назначения как постепенному обретению «удобства» Хайдеггер не уделяет внимания, между тем именно в процессе

практического орудования сущее обретает свое *для-чего*. В онтическом обращении становится первично встречно сущее, и только через это первичное обращение выясняется, что орешник, к примеру, хорош для разведения огня, так как не дает много дыма, а сосна для этого непригодна, так как выделяет смолу.

Это «удобство» не дано человеку как всегда уже разомкнутое. Охотясь на животное, человек обнаруживает его повадки, среду обитания, взаимоотношения с другими видами и т.д. В большую заслугу Хайдеггеру следует отнести скрупулезный анализ этого двустороннего процесса размыкания сущего в его *по-себе* через обращение с ним как со средством, и в целом пристальное внимание к экзистенциалу мирности. Однако большую долю своих усилий он сосредотачивает на средстве как всегда уже средстве, имеющем назначение, т.е. как на предназначенном средстве. Хайдеггер берет молоток как всегда уже наличную вещь, вернее наличное подручное, не случайно он оперирует таким термином, как *встречность подручного*, принятие его как уже наличного, и этим опять-таки игнорирует процессуальную сторону обретения средством его теперь уже специфического «удобства». Он представляет дело так, как если бы молоток существовал от века, и гениальность размыкания в его интерпретации возможна через адекватное средству обращение. Вернее Хайдеггер упоминает о срабатываемости изделия, об изготовлении, но лишь в контексте того, что может быть произведено при помощи молотка, рубанка и пр., и что само по себе также имеет характер средства, как, например, скамья как средство для сидения. Но существо изготовления, и в этом скамья и молоток как в равной мере срабатываемые изделия едины, не затрагивает создания скамьи и молотка как разновидностей подручного, поскольку срабатывание опирается на опять-таки уже имеющиеся,

наличные образцы скамьи и молотка, и является по сути лишь дублированием подручного, но никак не аутентичным срабатыванием.

Здесь можно задаться вопросом, является ли срабатываемость подручного обращением с подручным. Судя по интерпретации обращения как нетематического орудующего потребляющего озабочения, то нет, поскольку срабатываемое изделие всегда находится в фокусе внимания мастера – срабатывая нечто, он от начала до конца имеет его в виду, иначе срабатывание теряет целенаправленность. Срабатывание в данном случае сродни целевой причине Аристотеля, без которой никакое изготовление невозможно. Однако назвать это «необращением» также нельзя, так как в процессе срабатывания приходится прибегать к подручным средствам, при помощи которых срабатывается изделие, а последние при этом находятся в нетематическом обращении, как молоток при срабатывании скамьи.

Очевидно, что обращение является тематически нетематическим, и таковым является любое обращение как нацеленное либо на починку, либо на изготовление какого-либо тематического сущего при помощи нетематических средств. В свете сказанного мы не можем принять позицию Хайдеггера, согласно которой обращение есть лишь нетематическое обращение. Кроме того, неоднозначна ситуация и с самим срабатываемым изделием: с одной стороны, оно является целью изготовления или починки в руках изготавливающего, а с другой – средством со своим «удобством» для того, кто им пользуется. На этой двусторонности становится очевидной двойственная природа обращения, совмещающего в себе черты как повседневности при нетематическом использовании подручных средств, так и неповседневного присутствия, держащего в теме в качестве финальной причины некое срабатываемое изделие, для него являющееся целью, а не средством.

Мы приходим к выводу, согласно которому деление на тематическое воззрение и обращающееся усмотрение, т.е. теоретическое и практическое поведение, не вполне корректно. Обращение хоть и не держит в теме средство, которым орудует, тем не менее, держит в теме то *для-чего*, в связи с которым человек берется за средство. Справедливости ради необходимо отметить, что Хайдеггер и сам утверждает, что «практическое поведение атеоретично не в смысле невсматривания и его отличие от теоретического поведения лежит не только в том, что тут созерцают, а там действуют и что действие, чтобы не остаться слепым применяет теоретическое познание» [1, 69]. Однако в чем заключается существо теоретической составляющей обращения он оставляет без внимания, вследствие чего, делает сомнительный вывод, согласно которому «созерцание так же исходно есть всегда уже озабочение» [1, 69]. Но разве может повседневное присутствие в мире обращаться без созерцания? Ведь если отличительной чертой повседневности является всегда уже понятность при обращении с миром и в мире, то усмотрение в силу этой понятности всегда уже держит в теме, или умом созерцает, то, что является целью при обращении с подручным, как скамью, которую починяют или изготавливают при забивании.

Хайдеггер часто делает акцент на том, что обращение является нетематическим повседневным бытием-в-мире. И действительно, человек, берясь за молоток, озабочен лишь прибавлением – молоток для него лишь средство достижения цели. Тематизацией, в свою очередь, он называет лишь внимающее познание: «Чисто «теоретически» всматривающийся взгляд на вещи лишен понимания подручности» [1, 69], а «усмотрение ближайшим образом не усматривает в нем (подручном – А.Г.) темы» [1, 69]. Но человек, изготавливающий средство, относится к изготавливаемому не как к подручному, так как не делает из него

употребление. В то же время нельзя утверждать, что здесь имеет место тот самый теоретический взгляд на подручное, о котором говорит Хайдеггер: теоретизирования в чистом виде в этом случае нет, так как ремесленническая массовая работа не предполагает «страстного и сочувственного созерцания» сущего. И действительно, срабатывание средства, ближайшим образом являющееся ремесленнической работой, предполагает в большой степени автоматичность выполнения действий, которая как раз и характеризует повседневное присутствие в обращении с подручным. Обращение с подручным потому и нетематично, что в значительной мере автоматически, поскольку в орудующем обращении человек не задумывается над тем, какое употребление он делает из молотка или скамьи. Поэтому срабатывание изделия, несмотря на свою смешанную природу, все-таки в серьезной степени является повседневным обращением, нежели неповседневным. Вероятно поэтому Хайдеггер просмотрел или не придавал значения не совсем повседневному характеру срабатывания. Но если ремесленническое срабатывание как доведенное до автоматизма обращение, несмотря на то, что не является использованием средства как истинным проявлением повседневного обращения, тем не менее, тяготеет к повседневности, (ведь срабатывание изделия в условиях мастерской является повседневным делом мастера), то неремесленническое, авторское, творческое изготовление принципиально отлично от повседневного обращения, так как ни о какой алгоритмичности действий, автоматичности здесь речи быть не может. Для срабатывания нет принципиального различия между изготовлением и починкой, ибо изготовление как происходящее по лекалу, образцу еще не является изначальным изготовлением, т.е. *созданием*. И изготовление, и починка суть лишь подведение под стандарт, принятую норму. А изготовление как первичное, и потому аутентичное изготовление, несущее на себе печать автора, предполагает вышеупомянутое теоретизирование. В отличие от

простого срабатывания, творческое изготовление предполагает изучение объективных свойств и особенностей окружающей среды, пусть и в контексте «радийности» бытийствующего в мире человека. Но Хайдеггер не замечает, что ознакомление с природным сущим, каково оно само по себе, есть характерная черта теоретического взгляда на вещи, чего нельзя сказать в отношении как употребления подручного, усматривающего лишь *для-чего* сущего, так и массового срабатывания, действующего лишь по заданному со стороны алгоритму. Для них обоих информация о соразомкнутом природном сущем есть избыточная информация. Между тем тот, кто создает алгоритм, орудя с подручным и создавая средство, одновременно всматривается и в природное сущее, тем самым размыкая его, с тем чтобы выявить его объективные качества и использовать их при изготовлении. Иными словами, мы считаем искусственным хайдеггеровское разделение всматривания и усмотрения. Аутентичное изготовление средства как цели предполагает взятие в тему, пользуясь терминологией Хайдеггера, или опредмечивание молотка как такового через обращение-с в окружающей среде, а именно с лесом и железной рудой как составными элементами, при соответствующей обработке которых имеет место изготовления молотка. При выборе того или иного сорта древесины или тех или иных видов металлов, а также в процессе их обработки человек обнаруживает те или иные их объективные свойства. При этом идея молотка, ближайшим образом являющаяся назначением средства, его *для-чего*, воплощается при фактическом изготовлении средства.

Хайдеггер не вполне определено высвечивает содержание понятия средства, хотя уделено этому ключевому понятию для понимания мирности немало страниц в разделе «Анализ окружающей мирности и мирности вообще». С одной стороны, *для-чего* средства он определяет,

если можно так выразится, ближайшим образом через четко выраженную функцию, подобно тому, как «забивание само открывает специфическое «удобство» молотка» [1, 69]. С другой стороны, он упоминает «срабатываемое изделие как для-чего молотка...» [1, 70]. На этом примере видно, что и внутри аналитики подручности порой встречаются некоторые нестыковки: *для-чего* молотка одновременно состоит в забивании как действии и скамье как результативном продукте этого действия. При том что сама скамья, будучи также средством, свое *для-чего* имеет совсем в другом. Скорее следовало бы отметить, что в случае со скамьей речь идет о *для-чего* косвенным образом, так как изготовление скамьи не является прямым *для-чего* какого бы то ни было инструмента. Подобное разногласие в интерпретации остается без должного внимания со стороны экзистенциальной аналитики мирности.

Как бы то ни было, на примере обращения со средством как его первичным изготовлением прослеживается вид обращения, расширяющий границы повседневности. Вернее даже сказать, что, с одной стороны, изготовление несет черты повседневности, а с другой – выходит за ее рамки.

В связи с вышедшим на поверхность исследования феноменом творческого, первичного изготовления средства становится очевидным казус, допущенный Хайдеггером: имея в виду себя в своей внутримирной деятельности, присутствие по настоянию автора экзистенциальной аналитики имеет в виду всегда уже себя как данную экзистирующую единицу, отдельного человека, также как ремесленническое изготовление всегда уже имеет в виду себя, рассчитывая на вознаграждение за свой труд. Между тем творческое, авторское изготовление средства имеет в виду уже не только себя как данного индивида, но одновременно теперь уже человека как такового, человеческий род, ибо изготовление здесь отлично

от употребления, единственно на которое ориентировано присутствие: средство, являясь целью изготовления для изготавливающего, является средством для всех других, которые смогут воспользоваться им впоследствии как средством. Изначальное изготовление лишь отчасти имеет в виду себя, и этому аспекту творческого изготовления масса примеров: венгерскому журналисту Ласло Биро было неудобно писать перьевой ручкой, что заставило его задуматься об удобстве этого дела и изобрести шариковую ручку. Но данное обстоятельство не отменяет тот факт, что творческое изготовление, во-первых, *создает средство, а не использует его*, и, во-вторых, создает его для пользования *человечеством*, а не единственно для самого себя, пусть и бывает спровоцировано личными мотивами. *Индивидуальный, личный мотив в творческом изготовлении растворяется в родовом интересе.*

Это обстоятельство служит, по нашему мнению, существенным основанием для переоценки значимости повседневности для присутствия, ибо теперь мы не можем утверждать, что присутствие в своем «мирном» бытии имеет в виду только самого себя и в его бытии-в-мире речь идет о самом этом индивидуальном бытии.

Данные соображения, по нашему мнению, имеют далеко идущие последствия для аналитики бытия-в-мире. Порок хайдеггеровской интерпретации мирности присутствия заключается в самом принципиальном для него месте, а именно опоре на повседневность: выход из несобственного бытия он видит в отвлечении от бытия-в-мире и обращении к экзистенциальному бытию-к-смерти, что нам представляется «чрезмерной» мерой. Исходя из экономии мышления, по принципу бритвы Оккама, мы должны были бы первоначально проанализировать возможности бытия-в-мире в полной мере, прежде чем признать несостоятельность присутствия по размыканию собственного бытия. Что,

по нашему мнению, Хайдеггером сделано не было. Так считать нам позволяет то обстоятельство, что им без всякого внимания оставлен вопрос, без ответа на который повисает его толкование мирности. Присутствие, здесь-бытие застает целое средств с их отсыланиями наличными, встречными, поэтому и анализ окружающей мирности Хайдеггер начинает с параграфа «Бытие встречного сущего в окружающем мире». Но каково происхождение, каков механизм возникновения средства, которое также, как и другой экзистенциал – люди – не существует сам по себе, но, будучи принадлежащим присутствию, своим возникновением ему и обязан? Сущее, срабатываемое при авторском, творческом обращении со средством и держащееся в теме, принадлежит онтическому, и потому финальный вопрос, требующий ответа, заключается в происхождении, природе этого сущего, поскольку через него конституировано внутримирное. Хайдеггер же о срабатываемом изделии говорит преимущественно как о сработанном, уже готовом к употреблению.

Без соответствующего ответа на этот вопрос интерпретация мирности, а значит и бытия-в-мире, не может быть полноценной. Более того, в высвечивании неповседневного обращения как творчества, имеющего в виду не только себя как данного отдельного человека, действующего в интересах своего рода, лежит подлинная интерпретация феномена мирности, что в свою очередь позволяет нам не «умножать сущности сверх необходимости» и не прибегать к бытию-к-смерти как убежищу собственного бытия присутствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.